

На горахъ Кубанской области и Черноморской губерніи.

15 іюля въ 12 часовъ дня, пробѣжавъ въ теченіе сутокъ не одинъ десятокъ верстъ по густымъ лѣсамъ, выбрались мы, наконецъ, на горные луга одного изъ сѣверныхъ отроговъ Фишта и Оштена. Намъ было четверо. Такъ какъ намъ предстояло ѣхать въ мѣстность бѣдную водой, то мы, желая зацѣпиться ею хотя на однѣ сутки, свернули съ своей тропы къ двумъ чуднымъ и такимъ большимъ родникамъ, которые даютъ сразу начало цѣлой рѣчкѣ. Здѣсь мы набрали въ бурдюкъ ведра два воды настолько холодной, что пить ее было почти невозможно. Температура ея равнялась всего лишь 5°С.

Отъ родниковъ намъ пришлось ѣхать версты двѣ по глубокой долинѣ, на одномъ склонѣ которой высокой стѣной поднимался густой пихтовый лѣсъ, а на другомъ тянулись заросли изъ различныхъ лиственныхъ породъ, среди которыхъ кое-гдѣ стояли одиночно стройныя, могучія, темнозеленыя пихты—великаны. Впередѣ намъ, верстахъ въ 5—6, возвышалась огромная, куполообразная гора, почти сплошь покрытая горными лугами и извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Нагой-коша. Она имѣетъ высоту болѣе 8.000 ф. и во многихъ мѣстахъ украшена длинными полосами и пятнами снѣга, который не стаяваетъ здѣсь даже въ лѣтнее время. На вершинѣ ея висѣло большое, густое темносѣрое облако. По сторонамъ нашей тропинки въ прежніе годы мы неоднократно видѣли медвѣдей, но въ этотъ разъ намъ не попался ни одинъ изъ нихъ.

Отъѣхавъ версты полторы отъ послѣднихъ встрѣчавшихся намъ на пути деревьевъ, составляющихъ верхнюю границу здѣшнихъ горныхъ лѣсовъ, мы нашли болѣе или менѣе ровное мѣсто, расположенное на высотѣ 5.100 ф. надъ уровн. моря, и здѣсь остановились. Разбивъ палатку, закусивъ и отдохнувъ немного, я съ однимъ изъ своихъ проводниковъ *) отправился часа на 3—4 на охоту. Надо замѣтить, что въ эту поѣздку погода намъ не особенно благопріятствовала. Вчера, наприм., передъ вечеромъ насъ помочилъ дождь, то же случилось ночью и сегодня утромъ. Часовъ съ 8 погода замѣтно улучшилась, но когда мы отправились на охоту, то снова начали собираться тучи и неоднократно насъ окутывалъ такой туманъ, что мы не могли сообразить, куда надо итти. Я даже подумывалъ, какъ бы намъ не пришлось заблудиться и почевать не въ палаткѣ, а подъ открытымъ небомъ, и притомъ безъ теплаго платья. На наше счастье туманъ по временамъ поднимался и давалъ намъ возможность осмотрѣться и сообразить, гдѣ мы находимся.

Пронутешествовали мы такимъ образомъ часа два, успѣли перебраться за это время черезъ множество балокъ и котловинъ, которыми испещрена вся эта мѣстность, и очутились, наконецъ, на краю отвѣснаго, скалистаго уступа, находившагося надъ пропастью въ нѣсколько сотъ футовъ глубиною. Она располагалась къ востоку отъ насъ и была наполнена густымъ туманомъ; на западѣ же въ это время небо очистилось и на немъ заблестѣло солнце. Туманъ поднимался вверхъ со дна пропасти и, встрѣчаясь съ солнечными лучами, обращался въ невидимый паръ. Всмотриваясь въ даль въ надеждѣ увидѣть что-нибудь сквозь туманъ, я вдругъ замѣтилъ въ немъ двѣ колоссальныхъ размѣровъ человѣческія фигуры. Онѣ имѣли въ вышину, какъ казалось намъ, не менѣе 7—8 сажень и какъ-будто бы висѣли въ воздухѣ надъ пропастью. Я догадался, что вижу

*) Здѣшнія мѣста мнѣ хорошо знакомы и въ проводникахъ я не нуждаюсь, но всегда люблю двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ остается при палаткѣ, а другой въ большинствѣ случаевъ ходитъ со мною. Для краткости я ихъ называю проводниками.

передъ собою такъ называемый Брокенскій призракъ. Дѣйствительно, когда мы наклонялись, поднимали руки или ружье, то то же самое продѣлывали сѣрые, мокрые гиганты. Особенно паразило это явленіе моего проводника, который видѣлъ его въ первый разъ. Я простоялъ здѣсь не мене 15—20 минутъ, наблюдая этотъ интересный феноменъ, который то выступалъ очень рельефно и отчетливо, когда туманъ сгущался, то мало-по-малу ступшевывался, когда туманъ становился рѣже.

Такъ какъ дичи въ этихъ мѣстахъ намъ не попадалось, то мы рѣшили подвигаться тихонько, по другой дорогѣ, къ своей стоянкѣ. Едва успѣлъ я пройти такимъ образомъ съ полверсты, какъ замѣтилъ на горѣ, влѣво отъ насъ, на открытой мѣстности ланку. Я вздумалъ попробовать подкрасться къ пей, не имѣя, конечно, намѣренія стрѣлять. Намъ удалось подойти шаговъ на 90 или 100; ланка стояла въ это время къ намъ правымъ бокомъ и совершенно не замѣчала нашего присутствія. Это продолжалось минуты двѣ. Когда же я началъ шепотомъ разговаривать съ своимъ проводникомъ, ланка тотчасъ же обернула голову въ нашу сторону, увидѣла насъ и бросилась бѣжать. Никакой другой дичи въ этотъ день намъ не попадалось.

На слѣдующее утро мы поѣхали дальше вверхъ по горнымъ лугамъ, которые представляютъ здѣсь чудный, разноцвѣтный коверъ, состоящій изъ гераней, генціанъ, незабудокъ, скабіозъ, буковицъ (*Veronica*), колокольчиковъ (*Campanula*) и безчисленнаго множества другихъ цвѣтовъ.

Доѣхавъ до мѣста, гдѣ вправо отъ насъ, въ порядочномъ, впрочемъ, разстояніи, поднимались отвѣсныя скалы, а влѣво находился страшно-высокій и скалистый уступъ надъ глубокимъ ущельемъ, мы снова сдѣлали привалъ, чтобы поискать какой-нибудь дичи. Рѣшено было пойти сначала влѣво, причемъ вмѣстѣ со мною отправился мой сынъ, мальчикъ 14 лѣтъ, и одинъ изъ проводниковъ.

Ни на отвѣсныхъ кручахъ скалистаго уступа, доступныхъ только для цѣпкихъ и сильныхъ ногъ серны, ни на каменистомъ днѣ пропасти мы никакой дичи не видѣли, поэтому отправились отсюда къ скаламъ, возвышавшимся

въ противоположной сторонѣ. При помощи бинокля мы замѣтили на нихъ издали (за верету, если не болѣе) сначала двухъ сернь, а потомъ еще четырехъ. Онѣ ходили по сѣѣгу и потому были видны на такомъ большомъ разстояніи. Вскорѣ мы увидѣли значительно ниже скаль и, слѣдовательно, ближе къ намъ еще медвѣдицу съ медвѣжонкомъ. Мгновенно у насъ явилось рѣшеніе отправиться за медвѣдицей. Мы направились къ ней почти бѣгомъ, но когда минутъ 20 спустя, были уже недалеко отъ того мѣста, гдѣ она ходила, вдругъ потеряли ее изъ вида и должны были осторожно подвигаться впередъ, заглядывая во все углубленія и котловины окружавшей насъ мѣстности. Въ это время мой сынъ вдругъ увидѣлъ шагахъ въ 200 отъ насъ на косогорѣ, за крутой, скалистой, но не глубокой балкой большого медвѣдя, который, опустивъ голову къ землѣ, медленно шель внизъ, къ балкѣ. Стоя на гладкомъ косогорѣ, мы мгновенно попадали на землю, чтобы онъ насъ не замѣтилъ. Это, дѣйствительно, такъ и случилось. Когда медвѣдь спустился на дно балки, въ самую водомоину, мы, какъ можно скорѣе, направились къ нему. Я то бѣжалъ, то шель скорымъ шагомъ, но былъ все время впереди своихъ спутниковъ и, очутившись на краю балки, увидѣлъ шагахъ въ 120 отъ себя медвѣдя, который шель отъ меня внизъ по дну балки. Мнѣ хотѣлось подойти къ нему поближе. Я почти бѣгомъ пробѣжалъ вдоль балочки еще шаговъ 60—70 и, снова заглянувъ въ нее, увидѣлъ медвѣдя шагахъ въ 80 отъ себя. Пока я бѣжалъ, онъ, слѣдовательно, успѣлъ также подвинуться впередъ шаговъ на 30. Мнѣ былъ виденъ задъ и отчасти лѣвый бокъ его. Я два раза садился и прицѣливался въ медвѣдя, но онъ, не останавливаясь, шель внизъ, подставляя подъ выстрѣлъ свой задъ. Тогда я рѣшилъ пробѣжать, какъ можно скорѣе, еще шаговъ 100, поровнятся съ нимъ и стрѣлять ему подъ лопатку на самомъ близкомъ разстояніи. Я намѣтилъ одинъ скалистый уступъ надъ самой балочкой, съ котораго, какъ мнѣ казалось, очень удобно будетъ стрѣлять по медвѣдю, и побѣжалъ къ нему. Отсюда я увидѣлъ медвѣдя почти противъ себя, шагахъ въ 35, но, чтобы удобнѣе было стрѣ-

лять, подвинулся еще шаговъ на 5 и выстрѣлилъ сверху въ его спину. Медвѣдь сразу упалъ, началъ кататься по землѣ, ревѣть, фыркать, сопѣть, но не остался на мѣстѣ, а ползъ внизъ по водомошнѣ. Я думалъ, что онъ вотъ-вотъ свалится и въ первый моментъ не хотѣлъ стрѣлять по нему; но медвѣдь продолжалъ ползти подъ гору довольно быстро, не переставая ревѣть и громко пыхтѣть, какъ паровозъ. Тутъ я замѣтилъ, что заднія ноги его парализованы и волочатся по землѣ. Я выстрѣлилъ въ него второй разъ изъ лѣваго ствола, во какъ-то нечаянно сдѣлалъ промахъ. Въ это время онъ доползъ до одного уступа въ днѣ балочки и, не имѣя силъ перелѣзть черезъ него, началъ ревѣть еще сильнѣе, хватать зубами и грызть камни. Видъ его въ тотъ моментъ былъ очень внушительнымъ. Вскорѣ ему удалось взобраться на уступъ. Тогда я снова догналъ его и выстрѣломъ подъ лопатку на разстояннн шаговъ 20 убилъ наповалъ. При осмотрѣ туши его я увидѣлъ, что первая пуля попала ему около самаго позвоночнаго столба и, вѣроятно, вызвала сотрясеніе мозга, причиною котораго и былъ параличъ заднихъ конечностей; вторая же ударила подъ лопатку и проникла въ грудь. Медвѣдь оказался очень большимъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на моего сына. Находясь почти все время около меня, онъ въ то время, когда я гнался за медвѣдемъ, нѣсколько разъ повторялъ: „Охъ, да какой же онъ страшный!... Охъ, да какой- же онъ страшный!... Папа, не подходи къ нему!“

Налюбовавшись медвѣдемъ, который былъ, по мнѣнію моего сына, не только очень большимъ, но и очень страшнымъ, мы отправились къ своей стоянкѣ, чтобы закусить, отдохнуть, а тогда уже придти снимать съ медвѣдя кожу. Кромѣ того я хотѣлъ захватить съ собою фотографическій аппаратъ и сдѣлать съ медвѣдя снимокъ. Благодаря хорошей погодѣ, все это удалось исполнить въ точности.

Передъ вечеромъ мы переѣхали на новое мѣсто, отстоявшее отъ нашей стоянки къ сѣверо-западу версты на 4. Здѣсь я предполагалъ во что бы то ни стало убить серну, такъ какъ мы давно уже нуждались въ мясѣ. На пути

намъ попадалось много медвѣжьихъ слѣдовъ и тропъ; кромѣ того, мы проѣзжали мимо озера, въ которомъ незадолго передъ этимъ купался медвѣдь. Онъ, какъ видно было по его слѣдамъ, залѣзъ въ озеро съ одной стороны, выкупался въ немъ и вылѣзъ на сибгъ съ противоположной. Никакой дичи кромѣ нѣсколькихъ горныхъ тетеревовъ мы въ это время не встрѣчали.

На слѣдующее утро (18-го юля) я отправился на одинъ высокій кражъ за сернами. Съ гребня его мнѣ, дѣйствительно, удалось увидѣть серну; я подкрался къ ней шаговъ на 100 и выстрѣлилъ изъ экспресса. Послѣ выстрѣла серна продолжала стоять на мѣстѣ, но я не только былъ увѣренъ въ томъ, что пуля попала въ нее, но даже замѣтилъ на ея боку большую зіяющую рану. Я думалъ, что серна сейчасъ же повалится, но она, простоявъ секунды 3—4, вдругъ бросилась подъ гору и, пробѣжавъ шаговъ 100, остановилась на скалѣ. Черезъ секунду она еще неожиданнѣе прыгнула со скалы и скрылась за нею. Я побѣжалъ за серной къ скалѣ, думая увидѣть ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, у подножья скалы; но когда сталъ на вершину ея и началъ осторожно заглядывать внизъ, то вдругъ услышалъ шорохъ и стукъ катящихся камней, а вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ шагахъ въ 100 отъ себя серну, быстро бѣжавшую внизъ. Она, слѣдовательно, скрывшись за скалою, притаилась тамъ, но, услышавъ мои шаги почти надъ своей головою, бросилась бѣжать. Шагахъ въ 150 отъ меня она снова остановилась. Въ это время я быстро прицѣлился, выстрѣлилъ и убилъ ее.

При осмотрѣ серны оказалось, что первая пуля попала ей въ заднюю часть груди, разбила 4 ребра и наискось сзади напередъ прошла черезъ грудь. Необыкновенная крѣпость серны на раны извѣстна каждому охотнику, стрѣлявшему ихъ, и приведенный случай служитъ только подтвержденіемъ этому. Вторая пуля попала сернѣ также въ грудь позади лопатки и причинила ей мгновенную смерть.

Въ этотъ же день я сдѣлалъ два выстрѣла еще по одной сернѣ; подкрасться къ ней на болѣе или менѣе близкое разстояніе не позволяла мѣстность и мнѣ пришлось

стрѣлять шаговъ на 300 или 350. Серна, какъ и надо было ожидать, ушла невредимой.

На слѣдующій день мы снова отправились за сернами въ тѣ же мѣста, но въ этотъ разъ ни на вершинѣ гребня, ни на склонахъ его никакой дичи не оказалось. Вѣроятно, ее напугали наши вчерашніе выстрѣлы и наше присутствіе.

Въ этотъ же день произошелъ слѣдующій курьезный случай: въ обѣдъ, когда я сидѣлъ шагахъ въ 5 отъ палатки и чистилъ медвѣжій черепъ, а оба мои проводники варили супъ изъ серны, вдругъ изъ - за откоса горы, шагахъ въ 400 отъ насъ, показывается медвѣдь и быстрыми шагами направляется прямо къ намъ. Очевидно, онъ насъ не замѣчалъ, а палатку принялъ за какую-нибудь скалу или камень, которыми усѣяна эта мѣстность. Мы хватились за ружья, но на бѣду мой двухствольный экспрессъ былъ въ палаткѣ, а одноствольный, съ которымъ я ходилъ въ этотъ день на охоту, лежалъ еще дальше за палаткой на разостланной буркѣ. Встать и идти за ними значило испугать медвѣдя, потому я велѣлъ сыну на колѣнахъ доползти до палатки и скорѣе подать мнѣ ружье. Медвѣдь въ это время продолжалъ быстрой, смѣлой поступью подвигаться къ намъ. Но прежде, чѣмъ ружье было подано и вынуто изъ чехла, медвѣдь замѣтилъ насъ и бросился бѣжать подъ гору. Стрѣлять въ него въ это время было бесполезно, такъ какъ онъ былъ очень далеко и бѣжалъ, не останавливаясь ни на секунду. Мы проводили его глазами на протяженіи слишкомъ версты, пока онъ скрылся въ глубокой балкѣ. Все это пространство онъ пробѣжалъ неуклюжимъ размашистымъ галопомъ. Передъ вечеромъ мы снова переѣхали на другое мѣсто и остановились недалеко отъ тѣхъ скалъ, гдѣ былъ убитъ мною медвѣдь. Никакой дичи въ этотъ день мы уже не встрѣчали.

На слѣдующее утро мы увидѣли медвѣдя, когда были еще около палатки и только собирались идти на охоту. Онъ лазилъ по крутымъ, покрытымъ травою косогорамъ вблизи подножья скалъ. Мы тотчасъ отправились за нимъ,

но вскорѣ потеряли его изъ вида и, несмотря на всѣ старанія, не могли снова отыскать. Онъ или ушелъ незамѣтно для насъ, или же забрался въ какую-нибудь расщелину и улегся тамъ. Послѣ безплодныхъ поисковъ мы подошли къ самымъ скаламъ, которыя въ видѣ длинной, пологой арки поднимаются почти отвѣснымъ уступомъ футовъ на 700 надъ окружающей мѣстностью и почти на 8.000 ф. надъ уровнемъ моря. У подножья ихъ тянутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осыпи, а еще ниже располагаются изумрудно-зеленые горные луга. Въ котловинахъ этихъ скалъ и у ихъ подошвы нагромождены большія массы снѣга.

На этихъ скалахъ почти прямо надъ собою мы замѣтили пару сернь и тотчасъ отправились за ними. Серны насъ видѣли и въ свою очередь начали подниматься выше и выше. На половинѣ высоты скалъ намъ удалось подойти къ одной изъ нихъ шаговъ на 120. Серна стояла надъ отвѣсной кручей, на остромъ выступѣ скалы, пристально смотря на насъ, и протяжно свистѣла, предупреждая, вѣроятно, объ опасности свою подругу, которая, однако, не была намъ видна. Я въ это время находился на такомъ крутомъ откосѣ, что едва могъ держаться на ногахъ и долженъ былъ стрѣлять почти прямо вверхъ. Позади меня тянулся на большое разстоянiе очень крутой откосъ—продолженiе того, на которомъ я стоялъ. Стрѣлять при такихъ условiяхъ было очень непрiятно, такъ какъ еслибы вслѣдствiе отдачи (у меня въ рукахъ былъ двухствольный экспрессъ 500 калибра) я не имѣлъ силы сохранить равновѣсiе, то долженъ былъ бы полетѣть подъ кручу. Чтобы не случилось этого, я попросилъ своего проводника упереть палку въ то мѣсто горы, гдѣ стояла моя правая нога, на которую я главнымъ образомъ опирался и, кромѣ того, хотя слегка поддерживать меня за туловище. Прицѣлившись насколько можно было при такихъ условiяхъ, я выстрѣлилъ, но сдѣлалъ промахъ. Серны выскочили сначала на снѣгъ, потомъ на верхъ скалъ и понеслись вдоль нихъ въ правую сторону. За сернами полѣзли вверхъ и мы, думая, не удастся ли намъ гдѣ-нибудь по другую сторону скалъ увидѣть медвѣдя. Взобравъ

шись на скалы, я разошелся съ своимъ проводникомъ и, когда началъ спускаться въ одну падину, то замѣтилъ на осыпи двухъ сернь; очевидно, это были тѣ самыя, которыхъ мы видѣли раньше. Я подлѣзъ къ нимъ шаговъ на 150 и сильно равиль одну изъ нихъ въ лопатку. Серна на трехъ ногахъ побѣжала внизъ по осыпи, часто оставливаясь, но не подпускала меня на выстрѣль. Одинъ разъ, впрочемъ, я подбѣжалъ къ ней очень близко, но не могъ стрѣлять, такъ какъ она стояла за большимъ камнемъ. Въ это время надо мною показался мой проводникъ и я крикнулъ ему, чтобы онъ забѣжалъ сернь подпередь и добилъ ее, если мнѣ не удастся подойти къ ней.

Серна наткнулась на него шаговъ на 30 и была убита.

Моя пуля попала ей, какъ уже было сказано, въ лопатку, но слишкомъ низко и потому не такъ сильно за-
дѣла грудь и не убила серну наповаль.

Спустя нѣсколько дней мнѣ снова пришлось побывать на отрогахъ Фишта и Опшена, но на этотъ разъ я избралъ западный склонъ этихъ горъ, именно тотъ, который обращенъ къ истокамъ Пшехи. Отправляясь туда, мы рѣшили остановиться бивуакомъ у подножья высокой горы, находящейся между Нагой-кошемъ и долиной Пшехи; но, когда намъ оставалось проѣхать до этого мѣста версты 2—3, вдругъ надвинулся такой густой туманъ, что даже въ 20 шагахъ ничего не было видно. Мы долго блуждали, какъ во тьмѣ, не зная, гдѣ мы и куда намъ ѣхать. Въ это время при сравнительно низкой температурѣ и очень холодномъ вѣтрѣ началъ идти дождь. Мы поспѣшили остановиться и принялись разбивать палатку. Когда она была поставлена и все вещи внесены въ нее, никто изъ насъ не зналъ съ точностью, гдѣ мы находимся. Только передъ самымъ заходомъ солнца туманъ разсѣялся и мы увидѣли, что попали почти на то самое мѣсто, куда предполагали.

Хотя на слѣдующее утро по небу и блуждали предательскія тучки, тѣмъ не менѣе я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побродить по горамъ и при случаѣ поохотиться. Мы избрали для этой цѣли ближайшій къ намъ,

довольно высокій, хребеть, взобрались на гребень его и отправились по нему на сѣверъ, внимательно осматривая оба склона хребта и надѣясь скорѣе всего увидѣть гдѣ-нибудь медвѣдя. Пройдя такимъ образомъ версты двѣ, мы никакой дичи не встрѣтили. Послѣ этого я рѣшилъ тѣмъ же путемъ отправиться назадъ, а потомъ спуститься къ тому мѣсту, гдѣ западный склонъ хребта пересекается нѣсколькими очень глубокими, обрывистыми балками. Здѣсь прекрасные горные луга чередуются съ кручами, осыпями и скалами, представляя такимъ образомъ самую излюбленную сернами мѣста. Ниже балокъ видѣется вѣковой пихтовый лѣсъ, который безъ всякаго перерыва тянется на десятки верстъ. На опушкѣ лѣса растутъ березнякъ, рододепдроны и стоятъ одиночныя пихты. По этимъ мѣстамъ утромъ и вечеромъ любятъ бродить медвѣди. Мы частью обошли балки у ихъ верховьевъ, частью перебрались черезъ нихъ, но опять не видѣли ни одной серны, ни одного медвѣдя. Отсюда мы взобрались на высокую гору, составляющую южное продолженіе того же кряжа, потомъ спустились съ нея къ подножью Нагой-коша и возвратились къ своей стоянкѣ со стороны противоположной той, куда отправились рано утромъ, не встрѣтивъ и на всемъ этомъ пространствѣ никакой дичи.

Часа черезъ два мы покинули нашу несчастливую стоянку и спустились съ нея къ пихтовому лѣсу, который видѣлся на сѣверѣ. Въ это время насъ окутала, какъ и вчера, такой густой туманъ, что мы по временамъ съ большимъ трудомъ находили дорогу; кромѣ того нѣсколько разъ насъ принимался мочить дождь, а съ горъ началъ дуть такой сильный и холодный вѣтеръ, что, надѣвъ на себя полушубокъ и бурку, я едва могъ согрѣться. Особенно коченѣли отъ холода руки. Проѣхавъ при такихъ условіяхъ версты 5—6, мы выбрали болѣе или менѣе защищенное отъ вѣтра мѣсто и здѣсь расположились на ночлегъ. Ночью продолжалъ дуть тотъ же сильнѣйшій вѣтеръ. Онъ заставилъ насъ все время опасаться за цѣлость палатки.

На слѣдующее утро небо было затянуто тучами, на

большей части высокихъ горъ клубились густыя облака и все предвѣщало дурную погоду. Съ однимъ изъ своихъ проводниковъ я отправился верхомъ на охоту. Вскорѣ намъ удалось замѣтить серну. Я подкрался къ ней шаговъ на сто, прицѣлился и уже приготовился нажать на спускъ, но въ этотъ моментъ серна замѣтила меня, мгновенно прыгнула подъ кручу и исчезла. Спусти нѣсколько минутъ начался дождь и намъ ничего не оставалось, какъ спѣшить подъ защиту палатки. Это было особенно необходимо, потому что я, отправляясь на охоту, не захватилъ съ собою ни бурки, ни башлыка.

Возвратившись въ палатку и взглянувъ на барометръ, я замѣтилъ, что онъ со вчерашняго вечера сильно понизился. Такимъ образомъ, надо было ожидать еще худшей погоды и намъ не оставалось ничего больше, какъ спѣшить изъ этихъ высокихъ, холодныхъ, негостепріимныхъ странъ въ болѣе низкія и теплыя.

Годъ спустя мнѣ снова пришлось побывать въ горахъ Кубанской области, въ окрестностяхъ Фишта и Оштена. Въ этотъ разъ я имѣлъ намѣреніе осмотрѣть склоны этихъ горъ, гдѣ изъ-подъ нихъ вытекаетъ р. Бѣлая, впадающая въ Кубань, а затѣмъ проѣхать дальше по гребню главнаго Кавказскаго хребта между истоками Бѣлой на сѣверномъ склонѣ Кавказа и истоками Шахе и Сочи на южномъ. Отправился я въ эти мѣста верхомъ съ двумя проводниками по хребту, возвышающемуся между долинами Курджиса и Цеце. Этотъ высокій обрывистый хребетъ начинается отъ самаго Оштена и всего лишь верстъ на 6—7 не доходитъ до станицъ Нижегородской и Самарской. Онъ всецѣло состоитъ изъ известняка и поднимается въ своей южной части почти до 8.000 ф. надъ ур. м. Склоны его, несмотря на крутизну, покрыты лѣсомъ, а гребень, въ особенности въ наиболѣе высокой южной части, — горными лугами. Лѣса состоятъ здѣсь изъ очень разнообразныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ. На болѣе низкихъ мѣстахъ растутъ дубъ, груша, кленъ, дикая черешня, бересклетъ, липа, вязъ, ясень, а также

алыча (*Prunus divaricata*), бузина, жимолость, кизиль (*Cornus mascula*), самшит или кавказская пальма (*Buxus sempervirens*) и т. д., а она болѣе высокихъ—по преимуществу букъ (*Fagus sylvatica*) и пихта (*Abies nordmanniana*, Spach).

По бокамъ нашей тропинки, которая тянулась по каменистымъ кручамъ лѣвой стороны Курджипса, также всюду была видна очень разнообразная и богатая растительность, состоящая изъ самшита, жасмина, жимолости, и множество разнообразныхъ папоротниковъ, красивыми зелеными гирляндами свѣшивается со скалъ, которыя возвышаются надъ тропинкой. Особеннымъ украшеніемъ этой мѣстности служатъ различныхъ породъ деревья, густо завитыя отъ корня до самой кроны плющемъ съ блестящими, кожистыми темнозелеными листьями. Красивые, вѣчно зеленые кустики и деревца самшита поднимаются на здѣшнихъ горахъ до высоты болѣе 3.000 ф. и мѣстами образуютъ такія густыя заросли, что черезъ нихъ съ трудомъ можетъ пробраться человѣкъ.

По лѣсу мы бѣжали часовъ пять, изъ которыхъ болѣе полтора часа были употреблены на переходъ черезъ одну глубокую кругую балку, а затѣмъ выбрались на гребень хребта, покрытый уже не лѣсомъ, а густымъ высокимъ бурьяномъ. Кое-гдѣ, впрочемъ, и здѣсь росли одиночныя пихты, маленькія сосенки, березки и какими-то судьбами на самомъ гребнѣ хребта, на высотѣ тысячъ 5 футовъ, очутилась одна груша. На каменистыхъ кручахъ, окаймляющихъ съ боковъ этотъ гребень, мы видѣли нѣсколькихъ сернъ и двухъ ланокъ.

Часа за четыре до заката солнца мы остановились недалеко отъ небольшого родника и въ полуверстѣ отъ одной изъ выдающихся вершинъ описываемаго хребта, известной подъ именемъ Острой горы. Высота ея равняется 6.532 ф. Отдохнувъ немного, я съ однимъ изъ своихъ проводниковъ отправился побродить по окрестнымъ горамъ. Мы поднялись на вершину Острой горы и съ нея нашему взору открылась безконечная панорама горъ и кромѣ того въ синеватой мглѣ виднѣлись равнины Кубанской области съ цѣлыми десятками станицъ, представлявшихъ малень-

кими свѣтлыми пятнышками, разбросанными среди моря лѣсовъ. Съ этой горы мы отправились на югъ вдоль гребня хребта, окаймляющаго глубокое ущелье Цеце.

Путешествуя такимъ образомъ и собирая кое-какія растенія, я замѣтилъ далеко внизу, на одной изъ зеленыхъ полянъ праваго берега Цеце, верстахъ въ двухъ отъ насъ, какой-то движущійся предметъ, очевидно, какое-то животное.

Въ бинокль мы тотчасъ узнали, что это былъ медвѣдь.

Вскорѣ около него показался другой. Хотя они были очень далеко, а главное страшно низко, тѣмъ не менѣе мы отправились за ними. Намъ пришлось лѣзть подъ крутую гору частью по рѣдкому пихтовому лѣсу, частью по высокому, густому бурьяну. Когда мы только что начали спускаться, вдругъ изъ-за горы налетѣла туча и изъ нея полилъ сильный, крупный дождь. Въ это же время на западѣ было чистое безоблачное небо и ярко блестѣло солнце. Мы попытались переждать дождь подъ вѣтвями одной густой пихты, но онъ не переставалъ; поэтому мы рѣшили не обращать на него вниманія и идти дальше. Теперь намъ приходилось пробираться черезъ высокій, облитый дождемъ бурьянъ. Минуть 35—40 спустя, мы добрались до поляны, гдѣ видѣли медвѣдей, но, къ крайнему нашему огорченно, ихъ тамъ уже не оказалось. Они только-что ушли въ лѣсъ, какъ было замѣтно по примятому бурьяну и обитой росѣ. Такимъ образомъ, мы очутились въ очень горестномъ положеніи: медвѣдей стрѣлять не удалось, мой проводникъ промокъ насквозь, а у меня, благодаря башлыку, остались сухими плечи да голова; между тѣмъ намъ надо было, чтобы добраться до своей стоянки, лѣзть на страшно крутую гору не менѣе двухъ часовъ, притомъ по доходившему до плечъ бурьяну, съ каждаго листика и стебелька котораго при малѣйшемъ прикосновеніи лились цѣлые потоки воды. На наше горе солнце въ это время скрылось за гору, стало холодно, подулъ сильный вѣтеръ, а къ тому же до сумерокъ оставалось уже менѣе часа.

Такимъ образомъ часть пути мы неизбѣжно должны были совершить ночью, когда въ горахъ бываетъ очень холодно.

Все время, пока мы шли на гору, дождь не переставал ни на минуту и промочилъ насъ до послѣдней нитки.

Я сильно негодовалъ на себя за то, что полѣзъ за медвѣдями въ такую пропасть. Подъемъ на крутую гору черезъ цѣлое море бурьяла показался мнѣ безконечнымъ. Наконецъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы добрались до палатки. Сапоги мои были полны воды, а бѣлье и платье оказались настолько мокрыми, что прилипли къ тѣлу и ихъ пришлось стаскивать съ посторонней помощью. Поспѣшно передѣввшись съ головы до ногъ, при температурѣ не болѣе 2—3° тепла, мы принялись за чай, закусили, согрѣлись и тогда только забыли объ испытанныхъ нами невзгодахъ.

На слѣдующій день мы отправились дальше, придерживаясь того же хребта, затѣмъ обогнули истоки Цеце и по долинкѣ между Фиштомъ и Опшеномъ выѣхали къ истокамъ Бѣлой. Дорога здѣсь во многихъ мѣстахъ очень плоха, а кое-гдѣ и не безопасна; поэтому значительную часть ея мы должны были пройти пѣшкомъ. На этотъ путь было употреблено нами двое сутокъ.

Наконецъ, мы достигли довольно большой, совершенно ровной поляны, находящейся на высотѣ 5.182 ф. и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ два, вытекающіе изъ подъ Фишта, источника Бѣлой сливаются другъ съ другомъ. Трудно вообразить себѣ мѣсто красивѣе этого. Поляна занимаетъ пространство въ нѣсколько десятинъ; вокругъ нея навалены громадныя каменные глыбы, которыя образуютъ красивый и очень оригинальный, почти сплошной барьеръ. Многія изъ нихъ имѣютъ размѣры не менѣе 15—20 кубическихъ сажень. Нѣсколько такихъ глыбъ валяется по срединѣ поляны и наверху ихъ растутъ деревья. За этимъ барьеромъ, а также и между составляющими его каменными глыбами стоятъ высокія, стройныя столѣтнія пихты и тѣнятся густыя березовыя заросли. Еще дальше тянется сплошной лѣсъ, состоящій изъ различныхъ лиственныхъ деревьевъ и кустарниковъ, надъ которыми гордо поднимаютъ къ небу свои вершины громадныя пихты. По этому лѣсу также разбросано множество огромныхъ каменныхъ глыбъ. Двѣ

горныя рѣчки, протекающія черезъ эту поляну, тоже служатъ не малымъ украшеніемъ ея. Къ сѣверо - западу отъ поляны громоздятся совершенно отвѣсной стѣной чудовищныя скалы Фишта, имѣющаго высоту 9.360 ф. надъ ур. моря и около 4.000 ф. надъ окружающею мѣстностью.

Состоятъ онѣ исключительно изъ известняка и кое-гдѣ довольно сильно окрашены въ розово-красный цвѣтъ. На вершинѣ Фишта, а также въ расщелинахъ скалъ и у подножья ихъ лежитъ снѣгъ. На самомъ верху горы онъ образуетъ даже одно очень большое поле. Въ сторону, противоположную скаламъ Фишта, тянется узкая, глубокая, покрытая сплошнымъ лѣсомъ долина, по которой проложила себѣ путь рѣчка Бѣлая.

Проѣхавъ черезъ лѣсъ, который въ самыхъ верховьяхъ Бѣлой представляетъ полосу не шире двухъ верстѣ, мы выбрались на горныя луга южнаго склона Фишта и здѣсь вблизи Бѣлорѣченскаго перевала остановились на ночлегъ. Мѣсто это расположено на высотѣ 5.380 ф. и также отличается необыкновенно живописнымъ характеромъ.

Несмотря на значительную высоту мѣстности и близость высокаго, покрытаго вѣчными снѣгами Фишта, вечеръ и ночь на нашей стоянкѣ оказались необыкновенно теплыми. Съ вечера было даже душно, а утромъ термометръ Цельсія показывалъ $+10^{\circ}$. Я подумалъ, что близость моря и положеніе мѣста на южномъ склонѣ горы составляютъ причину такой высокой температуры; но когда замѣтилъ, что утромъ на травѣ совсѣмъ нѣтъ росы, то догадался, что это тепло предвѣщаетъ недоброе. Черезъ нѣсколько часовъ, какъ я убѣдился, мое предположеніе вполне оправдалось.

Горы, по которымъ мы проѣзжали въ послѣдніе два дня, представляютъ въ высшей степени привольныя мѣста для дичи, но такъ какъ онѣ въ то же время являются едва ли не лучшими во всей Кубанской области горными пастбищами и въ лѣтніе мѣсяцы служатъ мѣстомъ выпаса нѣсколькихъ большихъ табуновъ лошадей и безчисленныхъ стадъ овецъ, то дичь на нихъ почти не держится. Около вершины Фишта серны, впрочемъ, много, но лѣзть за ними туда очень далеко, да это и не входило въ планъ моей поѣздки.

На слѣдующее утро мы по едва замѣтной тропинкѣ, которая тянулась на юго-востокъ, къ горѣ Чехашха (6929 ф.), отправились дальше. Мѣстность по обѣ стороны тропинки очень красива и отличается мягкимъ, ласкающимъ взоръ колоритомъ. Свѣжіе, изумрудно-зеленые горные луга перемежаны здѣсь съ небольшими перелѣсками, состоящими главнымъ образомъ изъ низкорослаго бука и березы, и орошаются множествомъ чистыхъ горныхъ ручейковъ, которые, разливаясь, образуютъ кое-гдѣ небольшія озера. Скалы вовсе нѣтъ, а вдали виднѣются сплошные, густые, пихтовые и буковые лѣса, покрывающіе цѣлый лабиринтъ балокъ, долинь и ущелій многочисленныхъ истоковъ Шахе. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по тропинкѣ и вблизи ея мы видѣли слѣды оленей и дикихъ свиней. Выходятъ они на эти мѣста, лежащія такъ недалеко отъ дороги на перевалъ, черезъ которой часто ѣздятъ и ходятъ, конечно, только ночью.

Проѣхавъ по такимъ мѣстамъ версты двѣ, мы стали подниматься на гребень главнаго Кавказскаго хребта. Тропинка и здѣсь тянулась по горнымъ лугамъ, но мѣстами перелѣкала такіе крутые косогоры, что ѣхать по ней надо было съ осторожностью. Скоро мы взобрались на самый гребень хребта, и по нему доѣхали до горы Чехашха. Съ этой горы, лежащей на самомъ гребнѣ главнаго Кавказскаго хребта, открываются по обѣ стороны чудныя картины. Огромные скалистые массивы Фишта и Оптена съ ихъ сѣжными полями и раздѣляющимъ ихъ глубокимъ ущельемъ, а также верховье Бѣлой превосходно видны отсюда на сѣверъ, а истоки Шахе и Сочи на югъ. Горы, окружающія ихъ, заросли сплошными лѣсами и только въ немногихъ мѣстахъ поднимаются выше верхней границы ихъ. Здѣсь онѣ покрыты горными лугами, на которыхъ кое-гдѣ видны скалы и болѣе или менѣе порядочныя пятна и полосы сѣнга.

До Чехашхи дорога въ общемъ была довольно хорошей, но за этой горой вдругъ сдѣлалась скверной до невозможности.

Гребень главнаго хребта образуетъ здѣсь глубокую

сѣдловину, спускъ въ которую, а также и подъемъ пересѣкаются въ свою очередь нѣсколькими, хотя и меньшими, но страшно крутыми впадинами. Такимъ образомъ, необыкновенно узкій гребень хребта представляетъ въ этомъ мѣстѣ настоящую пилу съ острыми зубцами, причемъ тропинка, усыпанная щебнемъ, который ползетъ и сыплется подъ ногами, тянется по самому гребню хребта. О томъ, чтобы ѣхать на лошади, здѣсь нечего и думать, а надо благодарить судьбу, если удастся хотя и пѣшкомъ спуститься благополучно. Замѣтимъ, что около самой тропинки съ лѣвой стороны зияетъ страшная пропасть съ Бѣлой на днѣ, а съ правой—глубочайшее ущелье Шахе, обрывающееся на пѣлыя сотни, если не тысячи футовъ. Ни я, ни бывшіе со мною два казака не прошли это мѣсто вполнѣ благополучно. Я падалъ разъ пять и порядочно ушибъ себѣ ногу, а мои спутники—казаки посбивали себѣ колѣни и при паденіи порѣзали руки объ острые камни. Лошади же наши прошли эту часть пути хотя и съ большимъ трудомъ, но благополучно.

Велѣдъ за спускомъ начинался подъемъ на гору Бзышь (6.945 ф.). Подъемъ этотъ страшно крутъ и заваленъ щебнемъ. Въ глубокихъ сѣдловинахъ его совсѣмъ не было вѣтра и на тропинкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой росъ низкій, не дающій тѣни лѣсъ, солнце палило немилосердно; поэтому, взбираясь на гору, мы буквально обливались потомъ. Добравшись до открытаго, довольно пологого косо-гора и оставивъ верстахъ въ двухъ позади себя вершину Бзышь, я рѣшилъ сдѣлать привалъ до слѣдующаго утра, чтобы побродить по соседнимъ горамъ и лучше ознакомиться съ окружающей насъ мѣстностью. Въ это время было довольно жарко, поэтому мы нарочно выбрали небольшой пригорокъ, на которомъ дулъ болѣе или менѣе прохладный вѣтерокъ, и на немъ разбили палатку. Мѣсто это находилось на высотѣ 6.463 ф. Около насъ росли рододендроны, можжевельникъ, а въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ лежали сугробы снѣга.

По дорогѣ къ этому мѣсту мы испугнули семью горныхъ тетеревовъ (Tetrao Mlokoszewitzii) и увидѣли табунокъ лошадей.

штуку въ 10; но серны замѣтили насъ за цѣлую версту и быстро скрылись. Я удивился, что онѣ въ этой безлюдной мѣстности такъ сильно напуганы.

Передъ вечеромъ я взобрался на вершину Бзынь и на тотъ гребень, который тянется отъ нея на югъ. Здѣсь мнѣ хотѣлось добыть какой-нибудь дичи, такъ какъ мы давно уже не ѣли свѣжаго мяса и должны были питаться хлѣбомъ, да сухими закусками. Я спустился довольно низко къ истокамъ Шахе, гдѣ склоны горъ, покрытые осыпями, лѣсами и лугами, обѣщали хорошую охоту; но, проходивши часа четыре по самымъ лучшимъ мѣстамъ, только на одномъ очень неудобномъ для подхода косогорѣ видѣлъ пару сернь.

Въ продолженіи почти всего этого дня стояла хорошая погода, но передъ вечеромъ вдругъ на всѣхъ высокихъ горахъ появились клубы темносѣрыхъ облаковъ, которыя начали разрастаться съ поражающей быстротою. Видно было, что скоро настанетъ очень плохая погода. Въ ожиданіи дождя я велѣлъ еще съ вечера окопать небольшой канавкой палатку, чтобы вода ночью не могла подтечь подъ нее. Часовъ въ 9, когда все небо было затянуто тучами, мы улеглись, но не успѣли еще заснуть, какъ началъ накрапывать дождь. Вскорѣ я задремалъ, но уже черезъ часъ былъ разбуженъ проливнымъ дождемъ, который сопровождался сильнѣйшимъ порывистымъ вѣтромъ. Мою палатку вѣтеръ началъ трепать ужаснѣйшимъ образомъ, и такъ какъ она была двойная, то вѣтеръ, врываясь между наружной и внутренней холстинами ея, хлопалъ ими съ такой силой, какъ будто бы кто-нибудь быстро колотилъ одной доской о другую. Теперь только я вспомнилъ о жаркомъ, душномъ днѣ и необыкновенно-теплой ночи, которая застала насъ подъ Фиштомъ и, безъ сомнѣнія, была предвѣстникомъ этой бури. О томъ, чтобы заснуть, я, конечно, не могъ и думать, тѣмъ болѣе, что въ моментъ каждаго налетавашаго на насъ сильнаго порыва вѣтра, ожидалъ, что палатка будетъ сорвана и мы въ такую бурю очутимся подъ открытымъ небомъ. Своимъ проводникамъ я велѣлъ забить въ землю два большихъ кола и, ушотребивъ въ

дѣло всё имѣвшіяся у насъ веревки, укрѣпить палатку, какъ можно сильнѣе. Сдѣлать это въ такую темную ночь, когда не видно ни зги, подъ проливнымъ дождемъ и при томъ при сильнѣйшемъ вѣтрѣ, вырывавшемъ все изъ рукъ, было, конечно, не легко, но въ силу необходимости сдѣлано.

Въ то время, когда оба мои проводника работали подъ дождемъ, я изо всей силы держалъ средній колы палатки, чтобы вѣтеръ не свалилъ ее. Провозившись минутъ 10—15 и войдя затѣмъ въ палатку, мои спутники говорили, что отъ сильнаго вѣтра, холода и дождя они за какіе-нибудь $\frac{1}{4}$ часа чуть не померзли и что руки ихъ такъ околѣли, что ими едва можно было завязывать узлы веревокъ. Дождевыя капли, по ихъ словамъ, были холоднѣе льда или снѣга, и, кромѣ того, били по лицу и по рукамъ съ такой силой, что причиняли порядочную боль. Последнему я вѣрилъ вполне, такъ какъ самъ слышалъ, съ какой силой дождь барабанилъ по палаткѣ. По временамъ можно было подумать, что на нее падаютъ не капли воды, а дробь, пушенная изъ ружья. Несмотря на то, что палатка была теперь укрѣплена гораздо лучше, чѣмъ прежде, я не переставалъ опасаться, что вѣтеръ расшатаетъ колышки, сорветъ ее и мы до самаго разсвѣта не будемъ въ состояніи снова поставить ее; до разсвѣта же оставалось еще болѣе 5 часовъ. Не пытаясь заснуть, я усѣлся по срединѣ палатки и во время каждаго сильнаго порыва вѣтра держалъ подвирающій ее колы въ надеждѣ предотвратить крушеніе или, по крайней мѣрѣ, отдалить его сколько-нибудь. Странно, что въ это время вовсе не было грозы, которая почти всегда сопровождаетъ въ горахъ такія бури.

Не прошло и часу послѣ укрѣпленія палатка новыми веревками, какъ вдругъ сильный порывъ вѣтра вырвалъ съ одной стороны почти всё колышки и завернулъ внутрь всю полу ея. Если бы часомъ раньше мы не укрѣпили палатку съ этой стороны двумя веревками, то она, безъ сомнѣнія, была бы опрокинута совершенно. Съ большимъ трудомъ удалось намъ расправить ее и забить въ землю колышки; но не успѣли мы успокоиться, какъ снова повторилась та же исторія и снова пришлось долго провозить-

ся, прежде чѣмъ все было приведено въ надлежащій видъ. Усѣвшись попрежнему по срединѣ палатки, я часто смотрѣлъ на часы, съ нетерпѣливѣмъ ожидая разсвѣта; но время шло ужасно медленно и ночь казалась мнѣ безконечной, какъ гдѣ-нибудь вблизи полюсовъ. Наконецъ, послѣ столь долгихъ и томительныхъ ожиданій я замѣчаю, что начинается мало-по-малу свѣтатъ, вскорѣ замѣтно посвѣтлѣло и въ палаткѣ, но буря все еще не унималась. Заснувши съ вечера всего лишь около часа, я попытался вздремнуть теперь, но шумъ дождя и хлопанье палатки, которую по прежнему отчаянно трепалъ вѣтеръ, не позволяли мнѣ ни на минуту успокоиться. Часовъ съ 8-ми дождь началъ однако по временамъ переставать, но лишь на короткое время, а затѣмъ снова принимался лить, какъ изъ ведра, и барабанилъ по палаткѣ. Въ одинъ изъ перерывовъ его я послалъ проводника посмотреть, не угнала ли буря нашихъ лошадей; къ моей радости, онѣ оказались недалеко отъ палатки. Воображаю, каково имъ, бѣднымъ, было въ эту ночь!

Часовъ до 10 особенно замѣтнаго измѣненія погоды къ лучшему не обнаруживалось: вѣтеръ бушевалъ попрежнему, а дождь хотя и переставалъ по временамъ, но лишь на нѣсколько минутъ. При этихъ условіяхъ оставаться ночевать на томъ же мѣстѣ значило добровольно подвергать себя новымъ мученіямъ и рисковать среди ночи очутиться подъ открытымъ небомъ; съ другой стороны, и перелѣзть куда-нибудь далеко въ такую погоду было невозможно.

Поэтому я рѣшилъ спуститься хотя футовъ на 500, добраться до лѣса, выбрать защищенную отъ вѣтра полянку и расположиться тамъ до наступленія лучшей погоды.

Отыскать такое мѣсто я отправилъ одного очень толковаго своего проводника, снабдивъ его непромокаемою накидкой. Проходивъ немного болѣе получаса, онъ возвратился и сообщилъ, что нашелъ очень недалеко замѣчательное мѣсто: вокругъ него вѣтеръ бушуетъ страшно, гнетъ деревья, треплетъ ихъ вѣтви, но тутъ же рядомъ, на крошечной полянкѣ, царствуетъ такая тишина, что ни одинъ листочекъ травы, растущей на пей, не колышется. Я не сказавъ обрадовался этой находкѣ и привялся тотчасъ же

укладывать свои вещи, чтобы, какъ можно скорѣе, перебраться на новое мѣсто. Черезъ полчаса мы были уже въ пути и думали только о томъ, какъ бы до новаго приступа дождя добраться до мѣста и успѣть поставить палатку.

Новая стоянка отстояла всего лишь саженъ на 200 отъ прежней нашей и футовъ на 350 ниже ея. Она оказалась, дѣйствительно, замѣчательнымъ въ высшей степени мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что находилась не въ какой-нибудь котловинѣ и не подъ защитою лѣса или высокой скалы, а на открытомъ пологомъ косогорѣ въ десяти шагахъ отъ гребня хребта. Съ юго-запада, со стороны вѣтра, дувшаго со страшною силою изъ глубокаго ущелья Шахе, она защищалась только пригоркомъ сажени въ $1\frac{1}{2}$ высоты, который къ юго-западу, къ Шахе, обрывался чуть не отвѣсно на нѣсколько сотъ футовъ. Вѣтеръ, стремительно налетая изъ ущелья на эту кручу и ударяясь о нее, отражался вверхъ и съ шумомъ проносился всего въ $1\frac{1}{2}$ или 2 саженьяхъ подъ нами, вовсе не касаясь лужайки, на которой мы расположились.

Часовъ съ 4 горы, покрытыя громадными массами облаковъ, начали кое-гдѣ мало-по-малу освобождаться отъ нихъ, но лишь на самое короткое время. Передъ вечеромъ на одномъ высокомъ хребтѣ раза 3—4 показывалось даже солнце; кромѣ того и мой барометръ еще съ полночи сталъ быстро подниматься. Все это показывало, что въ скоромъ времени непременно должна наступить хорошая погода. Часовъ въ 8 вечера, когда мы ложились спать, почти всѣ горы и небо были еще затянuty густыми, тяжелыми тучами, но дождя уже не было вовсе; когда же я, проснувшись въ первомъ часу ночи, вышелъ изъ палатки, то болѣе половины неба успѣло уже очиститься и блестѣло яркими, крупными звѣздами.

Часовъ въ 5 утра я всталъ; термометръ показывалъ $+4^{\circ}\text{C}$.; погода была чудная и горы представились мнѣ во всей ихъ дивной, несравненной красотѣ. Ни на нихъ, ни на небѣ не видно было ни одного облачка; воздухъ былъ удивительно чистъ и прозраченъ, а скалы, лѣса и дуга, обмытые сильнымъ дождемъ, какъ будто бы обновились,

облеклись въ праздничный нарядъ и чудно блистали въ лучахъ утренняго, альпійскаго солнца.

Въ семьмомъ часу утра мы отправились дальше, почти все время придерживаясь гребня главнаго Кавказскаго хребта, побывали на горѣ Кудъ и почти доѣхали до Чуры.

Здѣсь мы оставались около сутокъ, совершая небольшія экскурсіи въ разныя стороны, а затѣмъ двинулись въ обратный путь. Въ это время намъ попадалось дичи нѣскольکو больше. Такъ, наприм., вблизи полянки, на которую мы перребрались послѣ бурной ночи, я видѣлъ трехъ медвѣдей. Одинъ изъ нихъ былъ далеко внизу, въ ущельѣ Шахе; другой шелъ прямо къ палаткѣ въ то время, когда я съ ружьемъ въ рукахъ сидѣлъ шагахъ въ 150 отъ нея на скалѣ, но, не дойдя до палатки нѣсколько сажень, скрылся въ чащѣ такъ неожиданно, что я не успѣлъ выстрѣлить по немъ. Третьяго я видѣлъ также недалеко отъ нашей стоянки, но въ то время былъ безъ ружья.

24 іюля 1898 года мнѣ снова пришлось побывать около упомянутыхъ въ началѣ статьи двухъ большихъ родниковъ. Отѣхавъ отъ нихъ версты полторы по дну долины, мы свернули влѣво и попали въ мѣстность изборужденную множествомъ балокъ, овраговъ и котловинъ; нѣкоторые изъ нихъ покрыты лѣсомъ, другіе высокимъ бурьяномъ. Здѣсь намъ попался гуртъ крупныхъ дикихъ свиней, штукъ въ 7 или 8, но онѣ, вѣроятно, почували или замѣтили насъ, прежде чѣмъ мы увидѣли ихъ, и побѣжали къ одной изъ поросшихъ лѣсомъ балокъ. Мнѣ удалось видѣть только 4 штуки ихъ, которыя шли позади. Я и одинъ изъ моихъ спутниковъ соскочили съ лошадей и поспѣшили за свиньями въ надеждѣ выстрѣлить по нимъ хотя и на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи.

Не далеко отъ этого мѣста я рѣшилъ сдѣлать приваль до слѣдующаго утра. Такъ какъ до вечера оставалось часа два, то я съ однимъ изъ проводниковъ отправился вдоль опушки лѣса поискать какой-нибудь дичи. Отойдя съ версту отъ нашего бивуака, мы вспугнули со дна одной котловины 2 ланокъ, отдыхавшихъ въ бурьянѣ. Онѣ быстрыми, размашистыми прыжками бросились къ ближай-

шей опушкѣ, но едва изъ нихъ, пробѣжавъ шаговъ 60—70, остановилась, чтобъ обернуться и посмотрѣть на насъ. Лаяла какъ будто бы сознавала, что состоитъ подъ покровительствомъ новыхъ охотничьихъ законовъ. Спустия полчаса, я видѣлъ еще трехъ ланокъ, которыя также ушли въ ближайшій лѣсъ.

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, мы снова отправились вдоль той же опушки, но на этотъ разъ намъ сильно мешалъ вѣтеръ, который дулъ съ горы къ лѣсу. Вѣроятно, онъ и былъ причиною того, что мы въ это утро не видѣли никакой дичи.

Часовъ въ 10 дня мы двинулись въ путь и часа черезъ два остановились недалеко отъ тѣхъ скалъ, въ окрестностяхъ которыхъ я охотился въ прошломъ году. Здѣсь я думалъ простоять сутки или двое и еще разъ полазить за сернами и медвѣдями. Съ этой стоянки намъ удалось увидѣть въ бинокль двухъ сернъ на скалахъ и двухъ на осыпяхъ; кромѣ того, отойдя отъ палатки шаговъ 100 и взобравшись на небольшую горку, я замѣтилъ около скалъ медвѣдицу почти бѣлаго цвѣта и съ нею пару, казавшихся издали совсѣмъ черными, медвѣжатъ. Какъ ни соблазнительно было отправиться за сернами и медвѣдями, но на этотъ разъ мнѣ пришлось отдать дань нездоровому климату тѣхъ мѣстъ Кубанской области, въ которыхъ я пробылъ нѣсколько дней передъ поѣздкой въ горы, и провадяться въ лихорадкѣ. Охота такимъ образомъ была отложена до слѣдующаго дня.

Утромъ 26 іюля стояла прекрасная погода и я съ своимъ сыномъ и однимъ проводникомъ еще до восхода солнца пѣшкомъ отправились къ скаламъ, гдѣ видѣли наканунѣ сернъ и медвѣдицу. По пути къ нимъ я замѣтилъ серну, которая стояла на самомъ верху скалъ и приблизительно въ верстѣ отъ насъ. Прежде чѣмъ отправиться за нею, мы рѣшили поискать у подножья скалъ медвѣдей, которые и раньше въ этихъ мѣстахъ попадались мнѣ неоднократно. Утромъ и вечеромъ бродятъ они здѣсь по горнымъ лугамъ, а въ полуденные часы укрываются въ прохладныя, тѣнистыя расщелины скалъ вблизи снѣговъ.

Особенно хотѣлось мнѣ найти видѣнную нами вчера медвѣдицу, заинтересовавшую насъ своимъ необыкновенно свѣтлымъ цвѣтомъ шерсти.

Мѣстность по направленію къ скаламъ возвышалась довольно полого и мы медленно подвигались по ней, осторожно заглядывая въ каждую котловину и балочку и не теряя надежды гдѣ-нибудь увидѣть медвѣдя.

Такимъ образомъ мы добрались до самаго подножья скалъ, но кромѣ упомянутой уже серны не видѣли ничего. Тогда рѣшено было взобраться на скалы и осмотрѣть плоскогорье, которое тянется за ними. Намъ надо было подняться еще футовъ на 700—800. Подъемъ здѣсь былъ уже несравненно круче, а послѣдніе 50—60 ф. мы должны были карабкаться, прибѣгая къ помощи рукъ и ногъ. Особенно неприятно было лѣзть, имѣя за плечами довольно тяжелое ружье. Такъ карабкались мы болѣе получаса. Въ это время было холодно, но мы обливались потомъ. Наконецъ, послѣдній уступъ былъ побѣжденъ и часовъ въ 6 утра мы очутились на самомъ верху скалъ. Здѣсь нашимъ взорамъ открылось горное плато въ нѣсколько квадратныхъ верстъ; оно пересекалось множествомъ болѣе или менѣе пологихъ и неглубокихъ балокъ. Всѣ онѣ были наполнены снѣгомъ, а пространство между ними покрыто тощей, приземистой травкой. Очень свѣжій горный вѣтерокъ трепалъ мелкіе листочки травы и насквозь продувалъ мое не особенно теплое платье. Послѣ бани, которую мы привяли, взбираясь на скалы, стоять здѣсь не приходилось и мы отправились дальше. Осмотрѣвъ по пути въ бинокль всѣ болѣе или менѣе открытыя мѣста и не замѣтивъ на нихъ никакой дичи, мы рѣшили попробовать подкрасться къ сернѣ, которую видѣли раньше и которая, по нашимъ предположеніямъ, должна была находиться гдѣ-нибудь недалеко.

Свернувъ влѣво и пройдя вдоль уступа скалъ сажень сто, мы, дѣйствительно, увидѣли лежавшую на небольшой осыпи серну. До нея было шаговъ 400—500. Замѣтить насъ ей было очень трудно, поэтому мы смѣло прошли впередъ еще шаговъ 150. Здѣсь оба мои спутника оста-

лись, а я началъ осторожно изъ-за одного невысокаго гребня подкрадываться къ сернѣ. Когда я добрался до гребня и, высунувъ изъ-за него голову, взглянулъ на серну, то замѣтилъ, что разстояніе до нея все еще довольно большое, приблизительно шаговъ 200. Я рѣшилъ пролѣзть еще шаговъ 60—70, къ слѣдующему невысокому пригорку и съ него уже стрѣлять. Теперь надо было ползти съ большой осторожностью и притомъ на протяженіи шаговъ 20—30 болѣе или менѣе на виду у серны. Еслибъ она въ это время взглянула въ мою сторону, то всё мои труды пропали бы даромъ; къ счастью, этого не случилось.

Наконецъ, я добрался до послѣдняго пригорка. Серна попрежнему лежала на осыпи, но теперь между мною и ею мѣстность была совершенно открыта. Такимъ образомъ, дальше подкрадываться было невозможно и оставалось стрѣлять, не теряя времени. Когда я просовывалъ впередъ себя стволы своего экспресса, серна обернула голову въ мою сторону и, какъ кажется, замѣтила меня, но продолжала лежать. Увидѣвши только мою голову, она, вѣроятно, не сообразила, въ чемъ дѣло. Я тщательно прицѣлился и выстрѣлилъ. Секунду или двѣ серна оставалась почти безъ движенія, потомъ упала на бокъ, дрогнула нѣсколько разъ и застыла въ одной позѣ.

До серны было шаговъ 130 и потому не болѣе, какъ черезъ минуту, я находился уже около нея. Пуля попала ей въ грудь и въ косвенномъ направленіи пронизала ее. Серна оказалась большимъ, крупнымъ самцомъ съ очень красивыми правильными рожками.

Выпотрошивъ серну, мы спустили ее по крутому снѣжному полю къ подножью скалъ; но чтобы она при ударѣ о какой-нибудь камень не поломала свои красивые рожки, я отрѣзалъ ей предварительно голову и взялъ ее съ собою. Пространство въ полверсты серна, скользя по крутой поверхности твердаго, слежавшагося снѣга, пролетѣла въ нѣсколько секундъ. Взять ее долженъ былъ мой проводникъ на возвратномъ пути.

Оставивъ серну лежать у подножья скалъ, я отправился на югъ отъ нихъ, перебрался черезъ нѣсколько ба-

локъ и котловинъ, затѣмъ снова повернулъ къ скаламъ, обошелъ ихъ до самаго западнаго конца и здѣсь спустился внизъ. На всемъ этомъ пути я дичи не встрѣтилъ и потому направился къ своей стоянкѣ. Еще раньше моего возвращенія туда была принесена серпа. Оба мои проводники были очень обрадованы удачной охотой, такъ какъ могли ѣсть свѣжаго мяса, сколько угодно.

Передъ вечеромъ въ этотъ же день мы переѣхали на другое мѣсто, отстоявшее отъ нашей стоянки версты на 4 и лежавшее футовъ на 500 ниже ея. По пути къ этому мѣсту я совершенно неожиданно снова увидѣлъ знакомую уже намъ бѣлую медвѣдицу съ черными медвѣжатами, но она почувала насъ раньше, чѣмъ мы замѣтили ее, и рѣшила, вѣроятно, поскорѣе убраться отъ опаснаго сосѣдства. Въ тотъ моментъ, когда мы замѣтили ее, до нея было болѣе полуверсты и она въ сопровожденіи своихъ питомцевъ неслась уже размашистымъ галопомъ на гору. Особенно хорошо было видно ее, когда она перебиралась черезъ одно довольно большое снѣжное поле. Я прослѣдилъ ее до самаго гребня горы, за которымъ она скрылась окончательно.

На новую стоянку мы пріѣхали въ 3 часа дня. Здѣсь, на высотѣ около 6.000 ф. надъ уров. моря, мы нашли разчищенную нами еще въ прошломъ году небольшую площадку и на ней расположились. Кромѣ этого мѣста, вокругъ насъ тянулись вездѣ такіе крутые косогоры, что на нихъ нельзя было найти сколько-нибудь равнаго клочка земли для палатки. Версты на двѣ по всѣмъ направленіямъ отъ насъ разстлались горные луга, на югѣ и востокѣ поднимались высокія горы, а на сѣверѣ тянулось крутое, мѣстами покрытое лѣсомъ, но въ общемъ очень скалистое ущелье рѣки Цеце. По страшной глубинѣ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 3, даже 3½ тысячъ футовъ) и крутизнѣ склоновъ это ущелье не имѣетъ равнаго себѣ во всемъ Майкопскомъ отдѣлѣ Кубанской области. Перебраться черезъ него или спуститься до дна въ этихъ мѣстахъ для чело-вѣка едва ли даже возможно; но зато какой дивной красотой отличается оно, въ особенности если смотрѣть на

него сверху: отвѣсныя стѣны, скалы самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ и страшныя пропасти чередуются здѣсь съ чудными, изумрудно-зелеными, горными лугами, хвойнымъ лѣсомъ и густыми березовыми зарослями. Кромѣ того по самому дну ущелья, на страшной глубинѣ, блеститъ извилистая, мѣстами сине-зеленая, мѣстами бѣлая и блестящая, какъ серебро, лента. Это и есть сама красавица Цеце! Могучій шумъ ея слышенъ даже на самыхъ вершинахъ горъ, окружающихъ ея долину. Вода въ Цеце имѣетъ чудный цвѣтъ, чиста и прозрачна, какъ роса, но такъ холодна, что надъ поверхностью ея почти всегда стоитъ тонкая, полупрозрачная дымка изъ сгустившихся паровъ. Эта дымка хорошо замѣтна, впрочемъ, только тогда, когда, стоя на берегу, смотришь вдоль рѣки. Хотя это ущелье въ большей части своихъ мѣсть очень трудно для ходьбы и въ этомъ отношеніи представляетъ даже не малую опасности, по охота за сервами здѣсь очень завлекательна. Къ моему удовольствію, право пользоваться ею въ этой мѣстности принадлежитъ мнѣ.

За часъ или полтора до захода солнца ущелье Цеце начало наполняться густыми красивыми облаками. Они были на одной высотѣ съ нами или даже нѣсколько ниже насъ и ярко освѣщались сверху лучами альпійскаго солнца, представляя блестящее, какъ серебро, волнующеся море. Кромѣ того, эти облака были такъ густы и казались намъ такими плотными, что скорѣе походили на какое-нибудь твердое тѣло, нагроможденное кучами, нежели на туманъ или сгустившійся паръ. Недаромъ одинъ изъ моихъ проводниковъ, глядя на нихъ, воскликнулъ: „Да по нимъ можно ходить, какъ по лѣстницѣ!“ Не менѣе замѣчательнъ былъ въ этотъ день передъ заходомъ солнца цвѣтъ неба. Внизу, вблизи горизонта, оно имѣло чудный розовый оттѣнокъ, который сверху постепенно переходилъ въ еще болѣе красивый золотисто-желтый, потомъ въ зеленый и, наконецъ, зелено-голубой. Передъ самымъ заходомъ солнца все ущелье Цеце, насколько мы могли его видѣть, наполнялось цѣлымъ моремъ густыхъ облаковъ. Мы и въ это время были выше ихъ и смотрѣли на нихъ почти съ

птичьяго полета, любуясь безпрерывно колеблющимися ихъ волнами.

На слѣдующее утро я всталъ, какъ только начинало свѣтать, наскоро напился приготовленнаго еще съ вечера кофе и вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ проводниковъ отправился на охоту на гребень, который возвышался къ востоку отъ моей палатки. Около часу мы употребили на то, чтобы взобраться на него. Съ этого гребня открылся нашимъ взорамъ чудный видъ на болѣе или менѣе далекія горы верховьевъ Курджинса и Бѣлой, на Оштень и, наконецъ, замѣчательная картина ущелья Цеце, крутой спускъ въ которое начинался у нашихъ ногъ, съ самыхъ верхнихъ точекъ гребня. Съ него должна была начаться у насъ и охота.

Гребень этотъ заставилъ, однако, меня немного призадуматься. Въ самомъ дѣлѣ, сколько мы ни старались увидѣть на немъ или на ближайшихъ къ нему косогорахъ сернь, все наши старанія остались тщетными. Мы рѣшили тогда пройти вверхъ по немъ до того мѣста, гдѣ отъ него отходитъ очень глубокая балка съ такими крутыми и обрывистыми склонами, что во многихъ мѣстахъ въ нее даже жутко смотрѣть. На скалистыхъ зубчатыхъ гребняхъ и иглахъ, торчавшихъ со два и стѣнь ея, часто бывають серны; но въ этотъ разъ ихъ не оказалось и тамъ. Еще дальше на югъ, за балкой, также нигдѣ не удалось намъ замѣтить ихъ, хотя мы тщательно осмотрѣли все доступныя нашимъ глазамъ скалы и косогоры въ бинокль. Тогда мы повернули назадъ, внизъ по гребню, и едва успѣли пройти съ версту, какъ увидѣли далеко внизу, на склонахъ, спускающемся въ Цеце, 5 штукъ сернь. Невооруженному глазу онѣ представлялись едва замѣтными красновато-рыжими пятнышками на зеленомъ фонѣ горныхъ луговъ. Онѣ паслись вблизи скалъ, изъ-за которыхъ къ нимъ, повидимому, можно было хорошо подкрасться, но на такомъ разстояніи отъ насъ, что я даже не сразу рѣшился отправиться за ними.

Спускаться намъ пришлось съ страшно крутого склона и притомъ очень долго несмотря на то, что на болѣе по-

логихъ мѣстахъ мы бѣжали бѣгомъ. Не разъ я подумалъ въ это время о томъ, каково придется намъ карабкаться назадъ, на гору, да еще, можетъ быть, съ серной на плечахъ.

Когда мы были на половинѣ пути, то недалеко отъ замѣченныхъ нами сервъ, увидѣли еще четыре штуки. Солнце было уже довольно высоко, когда, наконецъ, мы добрались до тѣхъ скалъ, изъ-за которыхъ надо было осторожно высматривать сервъ. Выглянувъ изъ-за одного зубчатаго гребня, я увидѣлъ шагахъ въ 200 пару ихъ. Онѣ ходили и щипали траву почти прямо подо мною и ко мнѣ были обращены такимъ образомъ ихъ узкія, острыя спины. Стрѣлять при этихъ условіяхъ съ увѣренностью на удачу было трудно; поэтому я рѣшилъ пройти внизъ, вдоль гребня и, если удастся, спуститься настолько, чтобы можно было стрѣлять хотя и далеко, но не въ спину, а въ бокъ серпы, представляющій гораздо большую цѣль.

Едва успѣлъ я пройти такимъ образомъ шаговъ 30, какъ вдругъ увидѣлъ на продолженіи гребня, вдоль котораго спускался, шагахъ въ 40 отъ себя, голову сервы, все туловище которой было скрыто за выступомъ скалы. Опасаясь, что на такомъ близкомъ разстояніи осторожное животное тотчасъ замѣтитъ меня, я не рѣшался подвинуться впередъ или стать повыше и приготовился уже стрѣлять въ голову; но въ это самое время серна сдѣлала еще шага 2—4 впередъ и подставила мнѣ свою шею и правое плечо. Я быстро прицѣлился въ плечо и выстрѣлилъ. Въ тотъ же моментъ серна покатила внизъ и скрылась изъ глазъ. Спустя нѣсколько минутъ мы нашли ее шагахъ въ 80 отъ того уступа, гдѣ она стояла въ моментъ выстрѣла. Пуля попала ей въ то самое мѣсто, куда я цѣлился, и насквозь пробила грудь.

Послѣ выстрѣла я перебѣжалъ на нѣсколько шаговъ вправо, съ цѣлью посмотреть, что дѣлаютъ двѣ другія сервы. Испугавшись выстрѣла, онѣ бросились бѣжать, но останавливались по временамъ на нѣсколько мгновеній. Совѣшь не надѣясь на удачу, я пустилъ въ нихъ двѣ пули, но, во-первыхъ, разстояніе до нихъ было уже очень

большое; во-вторыхъ, онѣ бѣжали довольно быстро и, какъ уже было замѣчено, почти не останавливались, и, въ-третьихъ, я стрѣлялъ сидя на такой кручѣ, что боялся даже, какъ бы самому не полетѣть въ пропасть; по этимъ причинамъ оба мои выстрѣла не принесли сернамъ никакого урона, но, безъ сомнѣнія, сильно испугали ихъ. Надо замѣтить, что я стрѣлялъ оба раза въ глубокую, крутую и замкнутую съ трехъ сторонъ котловину и вслѣдствіе эхо и резонанса мои и безъ того очень громкіе экспрессивные выстрѣлы раздавались съ ужасной силой. На меня самого они дѣйствовали, какъ ударъ по головѣ. Я опасался, чтобы отъ такого грома не обрушилась надо мной какая-нибудь скала и не раздавила меня. Съ меньшей силой они должны были прогремѣть и въ ухахъ серны.

Когда серны скрылись, я и мой спутникъ слѣзли къ убитой, выпотропили ее, сняли шкуру, отрѣзали голову и заднія ноги съ крестцемъ и захватили все это съ собою; переднюю же часть тѣла мы принуждены были бросить, такъ какъ втащить все мясо серны на ту высокую гору, съ которой мы только-что спустились, было намъ не по силамъ.

Обратный путь нашъ вышелъ очень труднымъ. Я тащилъ два ружья и шкурку серны, а мой спутникъ болѣе полпуда мяса. Лѣзли мы на гору безъ конца и потъ лилъ съ насъ цѣлыми ручьями. Я радовался, что въ этотъ разъ оставилъ въ палаткѣ свой двухствольный экспрессъ и отправился съ болѣе легкимъ одноствольнымъ. Наконецъ, съ великимъ трудомъ мы влѣзли на самый гребень, но и тутъ мнѣ не суждено было отдохнуть въ благодушномъ настроеніи: случайно взглянувъ на свой поясъ, я увидѣлъ, что на немъ висѣли пустые ножны, а охотничій ножъ, слѣдовательно, остался тамъ, гдѣ мы снимали съ серны кожу. Итти за нимъ теперь было поздно и очень утомительно и мы это путешествіе отложили до слѣдующаго дня.

Послѣ непродолжительнаго отдыха на вершинѣ хребта, мы начали спускаться по противоположному склону его и менѣе, чѣмъ черезъ часъ, были у палатки. Недалеко отъ нея, въ одной глубокой котловинѣ, лежало много снѣга; въ

него мои проводники зарыли мясо серны, чтобы пользоваться имъ по мѣрѣ надобности и, пожалуй, повезти домой.

На слѣдующій день мы отправились за ножомъ, захвативъ съ собою, конечно, и ружья; но погода намъ въ этотъ день не благоприятствовала. Съ ранняго утра въ то время, когда мы только-что успѣли выбраться на гребень хребта, начался дождь. Онъ заставилъ насъ залѣзть подъ одну нависшую скалу и просидѣть тамъ болѣе часа. Только благодаря ей защитѣ мы не промокли до костей. Зато дальнѣйшее наше путешествіе вышло очень неприятнымъ, такъ какъ трава была покрыта крупными каплями дождя. До мѣста, гдѣ мы возились вчера съ убитой серной, намъ удалось, однако, добраться и ножъ былъ найденъ.

Въ этотъ же день, передъ вечеромъ, когда мы были уже на своей стоянкѣ, собирались густыя тучи и надъ нами разразилась буря съ сильнѣйшимъ ливнемъ. Крупныя, какъ горохъ, дождевыя капли отчаянно стучали по палаткѣ и съ нея лились ручьи воды. Еслибы мы не окопали ее глубокой канавкой, то все наши вещи подмокли бы.

29-е іюля было послѣднимъ въ этомъ году днемъ моей охоты за сернами. Выступили мы со стоянки, по обыкновенію, съ разсвѣтомъ и хотѣли снова направиться внизъ, въ скалы надъ р. Цеце, но когда шли еще по гребню хребта, окаймляющаго ея долину съ западной стороны, то замѣтили трехъ сернъ на одномъ изъ развѣтвленій этого хребта. За ними мы и отправились.

Верхняя часть этого хребта состоитъ изъ зубчатыхъ скалъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся крутые косягоры, покрытые зеленой травой. На нихъ также торчатъ во многихъ мѣстахъ группы скалъ. Серны ходили по лѣвой сторонѣ гребня и шагахъ въ 130—140 отъ высшихъ точекъ его. Подойти къ нимъ, придерживаясь правой стороны гребня, было очень удобно, этому благоприятствовалъ и вѣтеръ, но подкрасться близко было невозможно. Я добрался до одного мѣста, гдѣ скалы на небольшомъ протяженіи прерываются, образуя какъ бы ворота, и отсюда выглянулъ на другую сторону гребня. Двѣ сер-

ны стояли въ это время неподвижно въ тѣни у подножья крутой скалы, а третья цинкала траву, медленно переходя съ мѣста на мѣсто. Разстояніе до нихъ было шаговъ 150, но всякая попытка приблизиться къ нимъ еще хотя сколько-нибудь должна была кончиться неудачей, такъ какъ пришлось ползти на виду у сернь по совершенно открытому косогору. Серны, какъ замѣтно было, чувствовали себя въ полной безопасности и меня вовсе не замѣчали; кромѣ того и вѣтеръ теперь дулъ отъ нихъ прямо ко мнѣ. Поэтому я могъ, ни чѣмъ не рискуя, не торопиться стрѣлять, а отдохнуть минутой-другую, пока дыханіе и биеііе сердца успокоятся.

Взведя оба курка своего экпресса, я положилъ его на землю, лежа прицѣлился въ одну изъ сернь и выстрѣлилъ. Ошеломленный внезапнымъ громомъ, серны бросились въ разныя стороны, но, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, остановились. Очевидно, я сдѣлалъ промахъ. Не теряя времени, я прицѣлился снова и выстрѣлилъ изъ лѣваго ствола. Серна, какъ пораженная молніей, перевернулась черезъ голову и полетѣла подъ кручу. Черезъ секунду ея уже не было видно. Я поспѣшно направился къ тому мѣсту, гдѣ стояла она въ моментъ выстрѣла, и насчиталъ до него 160 шаговъ. Еще дальше, шагахъ въ 50 отъ этого мѣста, лежала убитая серна. Спустившись къ ней, я увидѣлъ, что пуля попала ей въ шею и прошила въ косвенномъ направленіи черезъ голову (серна стояла ко мнѣ наискось задомъ и лѣвымъ бокомъ), разможживъ почти все кости сл.

Такимъ образомъ, въ этотъ день охота моя закончилась очень рано. Часовъ въ 9 утра мы вмѣстѣ съ убитой серной были уже около палатки, а еще часа черезъ 2—3 двинулись уже въ обратный путь. Долго пришлось намъ взбираться на крутую гору, затѣмъ мы проѣхали около скалъ, на которыхъ охотились нѣсколько дней назадъ, и, наконецъ, начали спускаться. Въ это время насъ сразу окутала такой густой туманъ, что мы принуждены были неоднократно останавливаться и ждать, когда онъ, хотя сколько-нибудь, разсѣется и дастъ намъ возможность осмотрѣться и сообразить, гдѣ мы находимся. Не-

смотря на то, что я и одинъ изъ моихъ проводниковъ знали въ этой мѣстности каждую балочку и каждый пригорокъ, мы теряли дорогу нѣсколько разъ; когда же до лѣса оставалось не болѣе версты, мы окончательно сбились съ толку и не знали, куда ѣхать. Наконецъ, туманъ на нѣкоторомъ пространствѣ разсѣялся, показался лѣсъ, но какъ будто совершенно не тотъ, чрезъ который намъ надо было ѣхать. Нѣсколько разъ мы задавали другъ другу вопросы: какое это мѣсто? или—куда мы попали? Спустился нѣсколько минутъ, когда передъ нашими глазами открылось еще большее пространство, мы увидѣли, что только очень немного уклонились отъ своего пути.

Вскорѣ мы остановились въ рѣдколѣсьи подъ столѣтней пихтой и около нея разбили палатку. Часа за полтора до захода солнца снова собрались надъ нами тучи и хлынулъ сильнѣйшій дождь. Продолжался онъ часа полтора и вода начала уже подтекать подъ нашу палатку, которую мы не успѣли окопать канавкой. Къ нашему счастью, онъ скоро прекратился и не шелъ въ теченіе всей ночи.

Н. Динникъ.